

1. Мамардашвили М. Лекции по античной философии. М.: АГРАФ, 2002.
2. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания: деятельностный подход (опыт философского анализа). Томск, 1992.
3. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания как предмет философского исследования: Научный доклад на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург, 1993.
4. Пятигорский А., Мамардашвили М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Фромм Э. Человек для себя. Минск: Харвест, 2003.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.
7. Mandrou R. Introduction a la France moderne... 1500-1640. Paris, 1960.
8. Лямбер Я.А. Декарт. М.: Мысль, 1973.
9. Ортега-и Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

Статья представлена кафедрой этики, эстетики и культурологии Института искусств и культуры Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 9 марта 2004 г.

УДК 008.001.14

Н.А. Веорова

КРИЗИС РАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ И ИСКУССТВА XX ВЕКА

В статье рассматривается кризис рациональных оснований культуры, возникший в результате того, что рациональные ценности долгое время являлись доминирующими по отношению к проявлениям жизненной стихии человеческого существования. Кризис классического рационализма нашел отражение прежде всего в философии и искусстве XX в.

В конце XX в. все больше исследователей стали говорить о кризисе западного типа рациональности. Согласно принципу центрации (Ж. Деррида) или легитимации (Ж.-Ф. Лиотар), одна из сторон текста, отношения или культуры в целом занимает доминирующее положение, носит предписывающий характер, в то время как другая сторона – маргинальная, тающая, невосребованные смыслы, связанная с иным способом отношений с миром, нежели легитимированная, подавляется, носит противонаправленный центру характер. Главную причину кризиса видят в том, что в европейской культуре рациональные ценности долгое время были центрированы, а все, что связано с интуицией, чувственностью, находилось на периферии культурного развития. Рано или поздно подобный перекося должен был дать знать о себе, что и проявилось в кризисе классического типа рациональности. Осознание этого приводит к тому, что в настоящее время предлагаются различные способы разрушения легитимации западного типа ментальности. Так или иначе, ставится вопрос о поиске новых рациональных оснований культуры.

Однако все развитие культуры XX в. демонстрирует, с одной стороны, кризис рационализма, который выражается, прежде всего, в отрицании разумно устроенного мира, а с другой – поиски новых форм рационального через включение маргинального иррационального в орбиту культуры, что порождает новые культурные смыслы.

На протяжении всего XX в. в развитии мировой культуры прослеживается сосуществование противоречивых тенденций. Они выражаются в таких процессах и явлениях, как локализация национальных культур и стремление к глобализации мировой культуры, в существовании двух культурных парадигм, в рамках которых развиваются философия, искусство и наука XX в., а также в таких противоречивых явлениях, как массовость и элитарность, демократия и тоталитаризм, традиционность и революционный бунт. Многочисленные противоречия XX в. можно свести к борьбе рационального и иррационального в культуре.

Социокультурная ситуация наиболее ярко демонстрирует это столкновение. «Духовное состояние общест-

ва можно было бы уподобить маятнику, раскачивающемуся между абсолютной верой в силу разума и предпочтением интуитивного метода познания мира. Обычно маятник находится где-то посередине. Но замечено, что в период стабильного развития доверие к человеческому разуму возрастает» [8. С. 33]. Очевидно, что развитие культуры XX в. нельзя назвать стабильным.

Мировая напряженность, усугубленная отставанием геополитических интересов, впервые достигла такого накала, что нашла выход в Первой мировой войне, когда реальной стала угроза уничтожения человечества оружием, им же созданным. Человеческое творение оборачивалось против него самого, и разум переставал контролировать действительность, его место заняли непредсказуемость и стихийность иррационального.

В 30-е гг. один за другим устанавливаются режимы диктатуры в Германии, Италии, Испании, Португалии, странах Латинской Америки. Языческие черты народного сознания взяли верх над разумом и цивилизацией. «Культура Запада провалилась в древнюю историю, где меряют достоинство человека чистотой крови... где жгут ведьм и еретиков» [4. С. 116]. Эти языческие черты, помноженные на грандиозные амбиции (уже не только европейских стран), были в основе Второй мировой войны. Лишь столкнувшись с опасностью возможной победы тоталитарного режима в лице гитлеровской Германии и воинственной Японии со всеми вытекающими последствиями, многие государства приходили к пониманию необходимости мирного решения своих проблем, основанного на законах разума. Однако снятие напряженности и стремление находить разумный выход в любой ситуации вскоре сменились новой напряженностью и усилением противоречий.

После Второй мировой войны в мире сложилась полярная система. К одному лагерю, или полюсу, относились капиталистические страны Западной Европы под эгидой США, к другому – социалистические страны Восточной Европы, находившиеся под влиянием СССР. Холодная война и гонка вооружений заставили все мировое сообщество балансировать на грани между миром и третьей мировой войной. Фактически за конфронтацией

капитализма и социализма все та же диалектика рационального и иррационального. Примером тонкой грани между рациональным и иррациональным в общественно-политической жизни является Карибский кризис 1962 г., когда стала реальной угроза использования ядерного оружия в решении международных проблем.

Столкновение рационального и иррационального нашло свое выражение и в таких явлениях мирового масштаба, как процессы глобализации и одновременно локализации. Примерами глобализации могут служить события и процессы общемирового характера, такие как две мировые войны, холодная война, также вовлекшая большое количество государств; проблемы экологии, терроризма, разрешить которые человечество может только общими усилиями. Поэтому создается большое количество международных организаций разного характера: ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ЕЭС, СЕАТО и т.д.

В то же время распад колониальных империй повлек за собой возникновение большого числа новых государств, которые, пытаясь доказать свою национальную самодостаточность, нередко вступают на дорогу претензий к соседним государствам в вопросах территориальной принадлежности, в результате чего вторая половина XX в. изобилует примерами военных конфликтов в борьбе за территорию: Индия и Пакистан в 1965 г., Иран и Ирак в 1980-м. Все это отражает процессы локализации.

Таким образом, в истории XX в. борьба противоречивых тенденций предстает как вызов разуму со стороны иррациональных сил. Одним из основополагающих проявлений рационализма в социально-политической сфере была идея прогресса. Двадцатый век показал, что прогресс и сама его идея – неочевидны. То есть кризис разума в социально-политической сфере спровоцирован явным противоречием между идеей прогрессивного развития человечества и реальной жизнью и историей. «Неразумность», или «противоразумность», социокультурной ситуации в целом отразилась, как в зеркале, в различных сферах культуры, в том числе в философии и искусстве.

В философии XX в. столкновение рациональных и иррациональных тенденций отмечается прежде всего в кризисе классической онтологии.

Если в размышлениях классических философов человек и объективный мир рассматривались с точки зрения сопричастности разуму, смыслу, т.е. высшему бытию, то начиная с XIX в. в работах Шопенгауэра и Ницше разумное основание мира заменяется иррациональной волей. «Мир как представление есть не единственная, а единая, как бы внешняя сторона мира, у которого есть еще совершенно другая, которая и есть его суть, его ядро, вещь сама в себе... За исключением того, что он наше представление, в нем ничего, кроме воли: этим исчерпывается вся его реальность», – писал А. Шопенгауэр [7. С. 93]. Ф. Ницше также разделяет шопенгауэровское понимание мира как вечно страждущей космической жизненной стихии. В соответствии с таким пониманием человек и мир теряют свою незыблемость и отдаются на волю бессознательных стихий. В предчувствии грядущих потрясений место сознания, просветленного соприкосновением с высшим, разумным бытием, занимает кризисное сознание. На смене веков убеж-

денность в мировой гармонии и порядке сменилась сомнением и неуверенностью, вызванными реальными и предстоящими изменениями в экономической, политической, социокультурной жизни общества.

Подобные тенденции нашли отклик в различных направлениях философии: философии жизни, интуитивизме, психоанализе, позитивизме и др., поскольку каждое из них связано со своей эпохой и несет на себе ее печать.

Философия жизни, представителями которой являются В. Дильтей, Г. Зиммель, делает акцент на жизни как некотором иррациональном потоке, пропущенном через разум и волю людей. Соответственно, по мнению Г. Зиммеля, «понятие жизни выдвинулось на центральное место, являясь исходной точкой всей действительности и всех оценок – метафизических, психологических, нравственных и художественных» [7. С. 170].

В интуитивизме (А. Бергсон) внимание сосредоточено на взаимодействии человека и мира, в результате чего человек представляется открытым для мира, а не ограниченным пределами собственного сознания, связанным с этим миром жизненным порывом, характерной чертой которого является длительность: «Есть просто непрерывная мелодия внутренней жизни, которая тянется, как неделимая, от начала до конца нашего сознательного существования» [1. С. 17]. Примечательно, что язык философии становится более свободным, художественным, сама философия превращается в некое творчество, призванное отразить, объяснить изменившиеся символы культуры.

Критика классического типа рациональности наиболее отчетливо прозвучала в философии экзистенциализма, которая осуществила переосмысление новоевропейской традиции, где принято было относиться к человеку лишь как к мыслящему субъекту. Эта абсолютизация разумной деятельности человека укрепила уверенность во всемогуществе человека, в его тотальной власти над природой, стирая грань между творцом и творением, что, безусловно, ограничивало понимание человека, сводя его лишь к мыслительной функции. Рассмотрение человека в его причастности к бытию давало возможность освободиться от иллюзии превосходства человеческого «я», противостоящего всему сущему как S – O (субъект – объект).

В целом в экзистенциализме мир представляется абсурдным, в нем нет ничего, что могло бы дать человеку уверенность и стабильность, единственная реальность, неподдающаяся сомнению, это – экзистенция человека.

Будучи протестом против рационалистической картины мира, являющейся в определенном смысле усеченной, так как не учитывает того, что человек не всегда разумен, как и его поступки, и он есть не только чистая мысль, и, следовательно, не все в человеческой жизни можно понять и объяснить, исходя только из рационалистического представления о мире, новое умонастроение несло в своей критике рациональное зерно истины. Однако откликнувшись на культурно-исторические сдвиги эпохи, но пытаясь искать опору вне разума, оно само вносило деструктивный импульс в сознание, тем самым оправдывая свое иррациональное происхождение.

Все перечисленные философские направления, так или иначе, склонны к иррациональному толкованию

мира и человеческой культуры. Даже не отрицая возможностей разума, в основании мира усматривают иррациональные стихии, какое бы название они не имели: воля к жизни, жизненный поток или прорыв.

Нерациональность или сверхрациональность человеческой жизни и истории, обнаруженная указанными философскими течениями, повлияла и на ее рационалистические направления, сближая их с иррациональными. Например, в позитивизме роль разума упрощалась и ограничивалась рамками физической реальности. Слова О. Кюнга «Сейчас, когда метафизическое ослепление не мешает истинному суждению, каждый видит, что человеческие творения, в общем, значительно превосходят все, что может предложить самое совершенное стихийное созидание» [7, С. 116] можно понимать двояко: как веру в разум и как замещение метафизического духа позитивным.

М. Вебер, занимая позицию ясного разума в ситуации перелома эпох и духовного кризиса, сближался со своими оппонентами, поскольку его человек, осознавая ситуацию как кризисную и освобождаясь потому от обязательств земле или небу, родствен человеку, которого философия жизни также освободила от всех обязательств, кроме его существования.

Таким образом, все направления философской мысли XX в. в определенной степени попали под влияние иррациональных сил, которые в результате кризиса рационализма стали действенными в большей степени, чем рациональные.

Диалектика рационального и иррационального прослеживается и в искусстве XX в. Искусство, как наиболее чуткий к состояниям человеческого духа и кризисным ситуациям в отношениях человека с миром вид деятельности, улавливает малейшие изменения и остро реагирует на эмоциональный спад или подъем и смену умонастроений в обществе.

Размышления философов XX в. (Х. Ортега-и-Гассет, Ж. Маритен, В. Вейдле и др.) фиксируют кризисную ситуацию в искусстве, поскольку именно в искусстве отмечается реакция на измельчание ценностей рационализма и антропоцентризма уже в XIX в. в натуралистической и гедонистической эстетике. Во многом обращение к иррациональным стихиям и уход от темы рациональных ценностей в искусстве обусловлены новой позицией художника в обществе. Процессы секуляризации культуры постепенно приводили к тому, что понятие канона исчезало, оставляя художника в ситуации, когда для приобщения к прекрасному он должен был действовать исходя из собственного представления о должном. Сознание небывалой свободы давало творческому субъекту возможность выбора между чрезмерной ответственностью, исходящей из личного усилия художника, и безответственностью, определяющейся положением нового искусства вне морати.

Социокультурная ситуация на рубеже XIX–XX вв., выражавшая кризис рационального сознания и потому поставившая художника перед подобным выбором, предопределила пути искусства всего XX в. Каким бы термином не называлось искусство первой половины XX в. (авангард или модернизм), характерной его чертой была тяга к иррациональному, запредельному. Это проявилось в большей степени в течениях сюрреализма, дадаизма, в меньшей степени – в кубизме, абстракционизме. Искус-

ство обращается прежде всего к человеку как к целому, поэтому выражает неверие в возможности разума справиться с природными стихиями внутри самого человека.

Наиболее ярким направлением иррационального толка было течение дадаизма (Т. Тзара, К. Швиттерс, Х. Балль, М. Дюшан и др.), появившееся в самый разгар Первой мировой войны. Оно выражало пессимистические настроения и разочарования молодого поколения. Развенчание рациональных ценностей оказалось оправданным историческими событиями, и дадаизм демонстрировал протест против традиционного общества и его ценностей, сделавших войну возможной. Например, М. Дюшан насмехался над буржуазностью, стремился ее разрушить и полностью освободить личность. Дюшан боролся против произвольной эстетики, не принимая ничего, кроме произведений, порожденных спонтанностью творчества. Один из основателей дадаизма поэт Х. Балль писал, что «Дада – это дурачество, извлеченное из пустоты, в которую обернуты все более высокие проблемы... публичное выполнение предписаний фальшивой морати» [9, С. 253].

Однако в некоторых направлениях авангарда, таких как абстракционизм и кубизм, прослеживается определенная вера в разум, поскольку за внешним безразличием к форме сохраняется разумное содержание. В своем творчестве В. Кандинский пытался создавать музыкальные произведения посредством цвета, кубисты, начиная с П. Сезанна, отображали окружающий мир с помощью кубических форм как первоосновы, которые несут разумное содержание. И даже в сюрреализме выражение иррационального невозможно без того, что называется традиционными средствами художественного выражения (с помощью линии, цвета, визуального образа). В театре и литературе абсурда применяются новые выразительные средства, но невозможно отказаться от основного – слова.

Отказ от традиционных средств и методов полностью в искусстве, как и в жизни, нереален, а любая традиция возникает в результате разумной деятельности человека. В целом в искусстве XX в. наблюдается уход от слишком человеческого, т.е. от ценностей рационального антропоцентризма в сферу внерационального, стихийного, в определенной степени аморального и потому недостаточно человеческого. Искусство XX в. показывает эту опасность погружения в досознательное, бессознательное или подсознательное и отказ от разумного, поскольку такая абсолютизация иррациональных стихий в человеке так же ограничена, как и слепое поклонение разуму.

Таким образом, за всевозможными течениями и направлениями в искусстве XX в. с их различными идейными установками усматривается диалектика рационального и иррационального, обостренная кризисом сознания рубежа веков.

Итак, основная характеристика эпохи – столкновение рационального и иррационального. Кризис традиционного типа рациональности обнаружился в доминировании иррациональных стихий, что прослеживается на примере развития философии и искусства. Однако даже в стремлении к иррациональному человек и культура не могут отказаться от своих рационалистических основ. Как отметил М. Вебер, «избавление от рационализма и интеллектуализма науки есть основная предпосылка жизни в единстве с

божественным. Однако при этом избирается странный путь: то единственное, чего до сих пор не коснулся интеллектуализм, а именно иррациональное, пытаются довести до сознания и рассмотреть в лупу. Этот путь освобождения от интеллектуализма дает как раз противоположное тому, что надеялись на нем найти те, кто на него вступил» [2. С. 718]. Это показывает, что рационализм неискореним.

Разрушение рациональных схем, существовавших в течение веков, протекает очень болезненно, балансируя на грани погружения во внерациональные природные стихии. Однако центральное положение разума в культуре не снимается вместе с кризисом. Центризм, присущий классическому типу рациональности, продолжают доводить. За внешними проявлениями краха рациональных ценностей антропогенной цивилизации усматривается лишь одна из сторон природы человеческого сознания, которая явилась реакцией на многовековое безотноси-

тельное господство разума и пренебрежение к проявлениям жизненной стихии человеческого существования, не укладывающейся в рамки рационализма.

«Воистину поразительно и таинственно то тесное внутреннее единство, которое каждая историческая эпоха сохраняет во всех своих проявлениях» [5. С. 218]. Эти слова Х. Ортеги-и-Гассета могут послужить выводом ко всему, что было сказано. Единство эпохи заключалось в диалектике рационального и иррационального, сквозь призму которой рациональное обретало новые формы выражения, соответствующие своему времени. Отказавшись в XX в. от прежней привилегированной ценности рационализма в пользу иррационализма, разум становится более гибким, соответствуя новой исторической эпохе. Возможно, понимание прежних ошибок – это путь к гармонизации во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Опыт о непосредственных данных сознания. М.: Московский клуб, 1992. 328 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология 20 века. М.: Республика, 1997. 496 с.
4. Кантор В. К. Федор Степун – российская мысль в контексте европейских катаклизмов // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 112–128.
5. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
6. Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991. 366 с.
7. Философия культуры. Становление и развитие. СПб.: Лань, 1998. 448 с.
8. Чугров С. В. Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. М.: Наука, 1993. 143 с.
9. Энциклопедический словарь живописи. М.: Терра, 1997. 1152 с.

Статья представлена кафедрой теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 12 марта 2004 г.

УДК 165.4

В.А. Иадов

ВИТГЕНШТЕЙН VERSUS ГУССЕРЛЬ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2417.2003.06

Данная статья представляет компаративное исследование ведущих эпистемологических проектов в традициях феноменологии и аналитической философии. Рассматриваются основные тезисы теории интенциональных содержания сознания Э. Гуссерля и теории значения языкового выражения Л. Витгенштейна. Автор показывает, что главное скептическое положение витгенштейновской теории можно использовать в качестве критического аргумента по отношению к фундаментальным тезисам феноменологической теории познания.

Феноменология Э. Гуссерля оказалась одним из самых мощных эпистемологических проектов в философии XX в. Пожалуй, больше нигде с такой настойчивостью и последовательностью не ставился вопрос об основаниях познания, о нахождении твердой почвы того опыта, в котором фиксировалось бы нечто непосредственно данное, неподвластное процедурам сомнения. Во главу угла был поставлен главный вопрос эпистемологии: что я могу знать? Все феноменологическое предприятие было настойчивой попыткой дать максимально четкий ответ на этот вопрос.

По мнению некоторых современных представителей аналитической философии [1], проблема следования правилу Л. Витгенштейна [2] в интерпретации С. Крипке [3] представляет собой некую предельную форму скептицизма в отношении вопроса о непосредственных смысловых данностях опыта. Если это действительно так, то такой скепсис каким-то образом должен затронуть и основные положения феноменологии – учения, утверждающего, что такие непосредственные данности могут быть обнаружены.

В связи с вышесказанным проведение компаративного анализа этих двух современных эпистемологиче-

ских проектов представляется небезынтересным. Такой анализ покажет всю специфичность витгенштейновской позиции, радикализм его скепсиса, который оказывает разрушительное воздействие на теоретический фундамент феноменологии, ибо, в конце концов, развенчивает один из самых устойчивых мифов новейшей европейской метафизики – миф Декарта о *cogitatum* как надежной основе познания.

Разумеется, прежде чем провести компаративное исследование, необходимо представить основные положения витгенштейновского скептицизма. Так мы и поступим.

Самой известной за последние двадцать лет интерпретацией «Философских исследований» оказалась та, что была изложена в книге американского философа и логика Сола Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке». Крипке удалось придать витгенштейновским аргументам столь ясную и последовательную форму – не в пример самому автору «ФИ», – что именно его книга вновь возродила горячие дискуссии вокруг теории значения «позднего» Витгенштейна.

Стоит упомянуть, что многие критики Крипке указывали на несоответствие его интерпретации взглядам само-